Къ вопросу о пересмотрѣ

СЕЛЬСКАГО ПОЛОЖЕНІЯ.

Князя А. М. Эристова.

Кутаисъ 1898

Типо-Литографія Н. Гамрекели.

Къ вопросу о пересмотрѣ

СЕЛЬСКАГО ПОЛОЖЕНІЯ.

Князя А. М. Эристова.

Кутаисъ 1898

Типо-Литографія Н. Гамрекели.

Дозволено цензурою. Тифлисъ 12 Февраля 1898 г.

Къ вопросу о пересмотрѣ сельскаго положенія.

До сего времени въ обществѣ циркулировали газетные слухи объ открытіи съ начала текущаго года засѣданій «особаго совѣщанія» министерства внутреннихъ дѣлъ по пересмотру нѣкоторыхъ узаконеній о крестьянахъ. Но, судя по появившемуся недавно объявленію отъ земскаго отдѣла министерства и выраженному въ немъ желанію предать гласности и подвергнуть суду общественной критики собранный официальнымъ путемъ матеріалъ по вопросу объ устройствѣ сельскаго состоянія—съ цѣлью, само собою, привлечь возможно большее число лицъ къ участію въ занятіяхъ «особой комиссіи»—нужно полагать, что подготовительныя работы по пересмотру сельскаго положенія еще незакончены. Желаніе правительства подвергнуть вопросъ новому изслѣдованію, а также предоставить печати оцѣнку изданнаго «Свода» офиціальныхъ данныхъ нельзя не считать благопріятнымъ для успѣха преслѣдуемой министер-

ствомъ цѣли. Обстоятельствомъ этимъ воспользуемся и мы, чтобы затронуть наиболѣе интересные съ мѣстной точки зрѣнія вопросы изъ нѣкоторыхъ отдѣловъ законодательствъ о крестьянахъ и отмѣтить тѣ или другія особенности дѣйствующаго въ краѣ закона,—особенности, не вошедшія въ планъ занятій «особаго совѣщанія». Не можемъ при этомъ не выразить сожалѣнія, что при составленіи настоящаго очерка мы не имѣли подъ рукою изданнаго министерствомъ «Свода», а пользовались только сжатымъ «перечнемъ вопросовъ», предварительно составленнымъ и разосланнымъ въ нѣкоторыя губ. и уѣздн. учрежденія.

I.

Со времени обнародованія Высочайшаго манифеста 19-го февраля 1861 года и изданія главныхъ законоположеній о крестьянахъ, помѣщенныхъ въ особомъ приложеніи къ т. IX законовъ о состояніяхъ (изд. 1876 г.), послѣдовали значительныя измѣненія и дополненія, главнымъ образомъ, по третьему отдѣлу особаго приложенія, въ которомъ излагается положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Съ введеніемъ земствъ и института земскихъ начальниковъ часть эта подверглась окончательной переработкѣ. Между тѣмъ, положеніе о сель-

скомъ состоянiи, соотвѣтствующее въ томъ же особомъ приложенiи первому отдѣлу, оставалось до сего времени безъ существенныхъ измѣненiй.

Но за время, протекшее послѣ эмансипацiи крестьянъ, сельская общественная жизнь сдѣлала значительные успѣхи въ смыслѣ самосознанiя и развитiя и, какъ естественное послѣдствiе, вытекающее изъ даннаго порядка вещей, практика закона успѣла обнаружить во многихъ отношенiяхъ несоотвѣтствiе съ современными требованiями жизни. Это несогласiе нѣкоторыхъ оснований положенiя о сельскомъ состоянiи съ новѣйшими условiями общественнаго развитiя вызвали необходимость общаго пересмотра дѣйствующаго закона. Если, однако, вопросы предполагаемой реформы сельскаго положенiя выдвинуты въ Россiи самой жизнью, то у насъ, въ Закавказьѣ, гдѣ главныя основанiя общихъ крестьянскихъ законоположенiй, дѣйствующихъ во внутреннихъ губернiяхъ, не нашли пока примѣненiя, дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Къ несчастiю, эти мѣстныя условiя не нашли мѣста при составленiи «Перечня вопросовъ, относящихся къ пересмотру нѣкоторыхъ отдѣловъ законодательствъ о крестьянахъ», причемъ пограмма обошла и такiя стороны крестьянской жизни, которыя составляютъ больное мѣсто

сельскаго обывателя Тифлисской и Кутаисской губерній.

Въ Россіи немногимъ извѣстно, что у насъ до сего времени сохранились обязательныя отношенія между крестьянами и бывшими ихъ помѣщиками. Ходячее мнѣніе, что добровольный выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, по взаимному соглашенію сторонъ, совершается въ Кутаисской губ. съ такою легкостью и быстротою, что не представляется надобности въ чрезвычайныхъ мѣрахъ для ускоренія и оживленія выкупного дѣла — есть не болѣе, какъ, иллюзія, заблужденіе, неоснованное на положительныхъ цифровыхъ данныхъ. Если даже и согласиться съ мнѣніемъ, что въ первые годы по обнародованіи крестьянской реформы число ежегодныхъ добровольныхъ сдѣлокъ и было значительно велико, то цифра эта стала давнымъ давно понижаться и въ послѣдніе годы достигла столь низкой нормы, что вопросъ объ окончательномъ поземельномъ устройствѣ крестьянъ Закавказья и урегулированіи ихъ правовыхъ отношеній къ бывшимъ ихъ помѣщикамъ не можетъ получитъ разрѣшенія безъ вмѣшательства правительственной власти путемъ обязателчнаго выкупа.

Дѣятельность крестьянскихъ учрежде-

ній Закавказья въ дѣлѣ освобожденій крестьянъ отъ обязательной поземельной зависимости ихъ въ первое время послѣ реформы, пожалуй, можно еще считать успѣшною, въ особенности для Кутаисской губ. Самая предпріимчивая и зажиточная часть крестьянства успѣла пріобрѣсти въ собственность надѣлы и перейти въ разрядъ полноправныхъ гражданъ въ первые же годы послѣ обнародованія великой реформы. Создался, такимъ образомъ, сразу значительный классъ собственниковъ, контингентъ которыхъ пополнялся затѣмъ, изъ года въ годъ, немногими новыми членами. Но наряду съ этимъ стремленіемъ стала дѣйствовать и другая инертная, задерживающая сила,—сила привычки и примиренія съ существующимъ положеніемъ. Цѣлыя поколѣнія крестьянства выросли при условіи обязательной въ поземельномъ отношеніи зависимости помѣщиковъ и мало-по-малу, естественно, сжились и сроднились съ существующимъ порядкомъ.

Немалую роль въ данномъ случаѣ играли экономическія условія, какъ причины, опредѣляющія платежныя силы населенія и средства къ выкупу надѣловъ, но вопросъ здѣсь не въ спеціяльномъ изслѣдованіи явленій застоя, а въ констатированіи самого факта. Такъ или иначе,

но установилось извѣстное равновѣсіе между приростомъ населенія и семейными раздѣлами съ одной стороны и добровольными сдѣлками крестьянъ и помѣщиковъ—съ другой. Въ результатѣ явилось неизмѣнное statu quo, съ которымъ необходимо бороться, но не такимъ оруженіемъ въ рукахъ, какимъ дѣйствуютъ мѣстныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.

Благодаря такому смѣшенію дореформенныхъ началъ съ явленіями послѣдующей жизни создались условія, неблагопріятныя для усвоенія новыхъ, лучшихъ формъ общежитія. Прежде чѣмъ говорить о какихъ-либо измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ о крестьянахъ, наиболѣе было бы умѣстнымъ обратить вниманіе на картину описываемой поземельной неурядицы и ненормальныхъ правовыхъ отношеній крестьянъ къ ихъ бывшимъ помѣщикамъ. Сначала слѣдуетъ вооружиться противъ этого могучаго наслѣдія крѣпостного права, сдѣлать съ нимъ окончательный разсчетъ, а затѣмъ или одновременно съ этимъ можетъ быть рѣчь объ улучшеніи формъ крестьянскаго общежитія и объ ихъ общественномъ устройствѣ.

Но для этого требуется, вмѣсто всякихъ палліативъ, рѣшительная законодательная мѣ-

ра: переводъ временно обязанныхъ крестьянъ съ оброчной въ пользу помѣщиковъ повинности на выкупные платежи, подобно тому, какъ это сдѣлано съ великорусскими и малорусскими крестьянами, состоявшими до 1-го января 1882 года на мѣстныхъ положеніяхъ, подобно сельскимъ обывателямъ Тифлисской и Кутаисской губерній.

II.

Во всякой реформѣ, рядомъ съ идеею, стоитъ организація, составляющая силу и орудіе ея. Крестьянское общественное управленіе находитъ свое существованіе и конкретное выраженіе въ сельскихъ органахъ самоуправленія, которые, въ свою очередь, регулируются уѣздными и губернскими установленіями. Положеніе о сельскомъ состояніи оставалось бы безъ значенія въ жизни, еслибы дѣятельность этихъ органовъ самоуправленія не нормировалась особыми учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ. Это само собою понятно, ибо совершенство отдѣльныхъ частей организма не обусловливаетъ еще правильности жизненныхъ отправленій цѣлаго недѣлимаго: для этого требуется дѣйствіе спеціальныхъ центровъ, приводящихъ въ гармонію отдѣльныя части. Но этой-то гармоніи и связности отдѣльныхъ час-

тей не усматривается, если взять мѣстныя законоположенія о крестьянахъ не какъ самостоятельные законодательные акты, а какъ составные элементы одной общей реформы.

Мѣстное положеніе о сельскомъ состояніи имѣетъ, само собою, и свои специфическіе недостатки. Его можно критиковать, находить въ немъ тѣ или другія несовершенства и несоотвѣтствія съ современными требованіями крестьянской общественной жизни, но прежде всего оно страдаетъ отъ отсутствія организаціи, отъ неустройства уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Въ то время, какъ общее положеніе о сельскихъ обывателяхъ и положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующія во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, связаны въ одну общую, строгую систему, у насъ соотвѣтствующія имъ законоположенія представляютъ собою совершенно самостоятельные законодательные акты, обособленные въ своихъ цѣляхъ и стремленіяхъ.

Мы разсмотримъ нѣкоторыя выдающіяся стороны дѣйствующаго въ краѣ положенія, характерныя въ этомъ отношеніи.

Дѣла по установленію крестьянскаго общественнаго управленія, въ силу положенія

учрежденій крестьянъ Закавказья, находятся въ вѣдѣніи уѣздной полиціи и уѣздныхъ и губернскихъ установленій по крестьянскихъ дѣламъ. Разграничивающимъ власти началомъ признано закономъ численное преобладаніе одного разряда крестьянъ надъ другимъ. Но это основаніе раздѣленія нестрого проведено въ сельскомъ положеніи, такъ какъ, по смыслу того же закона, вмѣшательство представителей полицейской власти въ дѣло сельскаго общественнаго управленія не ограничено никакою вообще категоріею крестьянъ. Практика еще болѣе усилила это неравенство и фактически власть уѣзднаго начальника въ уѣздѣ безъусловно преобладаетъ надъ властью мирового посредника въ вопросахъ крестьянскаго общественнаго устройства.

Такимъ образомъ, законъ допускаетъ въ принципѣ двоевластіе, устанавливаетъ двѣ направляющія силы, увлекающія сельскую жизнь въ разныя стороны. Но помимо этой аномаліи, нежелательной во многихъ отношеніяхъ, изъ даннаго положенія вещей возникаетъ еще другой принципіальный вопросъ: въ какой степени уѣздная полиція, облеченная административною властью, компетентна въ вопросахъ сельскаго общественнаго управленія?

Я не касаюсь здѣсь личнаго состава уѣздной администраціи, ничего не говорю о томъ насколько этотъ составъ удовлетворителенъ. Многія изъ лицъ, составляющихъ уѣздную администрацію, быть можетъ, прекрасно ознакомлены съ крестьянскими законами, и нерѣдки примѣры, что они образованнѣе и просвѣщеннѣе того контингента лицъ, изъ котораго пополняются мѣстныя мировыя посредническія учрежденія и присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Но не слѣдуетъ смѣшивать знаніе съ дѣломъ: теорію съ практикою Полиція некомпетентна вообще въ примѣненіи законоположеній 19-го февраля и вѣдѣніи вопросовъ сельскаго общественнаго управленія по самой сущности ея отвѣтственной роли и по характеру ея основныхъ служебныхъ отправленій.

Между тѣмъ, главное руководительство крестьянскимъ общественнымъ устройствомъ, въ силу дѣйствующаго въ Закавказьѣ закона, сосредоточено въ рукахъ полиціи при нѣкоторомъ только ограниченномъ участіи представителей крестьянскихъ учрежденій. Практика еще болѣе усилила и расширила права и власть уѣздной администраціи и въ дѣйствительности все распоряженіе общественнымъ управленіемъ и устройствомъ, весь надзоръ за ходомъ сель-

ской жизни въ разнородныхъ ея проявленіяхъ перешли къ ней. Съ другой стороны, губернскія присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, присвоивъ себѣ исключительно власть и вѣдомство совѣстнаго суда по тяжебнымъ дѣламъ между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами, отказались и отъ того вмѣшательства въ дѣла сельскаго управленія, каковое установлено дѣйствующимъ положеніемъ по обществамъ временно-обязанныхъ крестьянъ.

За примѣрами ходить недалеко. Въ развитіе существующихъ узаконеній общаго положенія неоднократно разъяснялось надлежащими властями объ обязанности крестьянскихъ учрежденій устанавливать строгій надзоръ за порядкомъ взиманія земскихъ сборовъ и храненія собранныхъ суммъ; въ отношеніи мірскихъ повинностей циркулярными предписаніями министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 6-го октября 1878 г. (№ 3), и 29-го марта 1880 г. № 2), прямо-таки предлагалось составленіе смѣты мірскихъ денежныхъ расходовъ и утвержденіе ихъ губернскими присутствіями. Между тѣмъ, вопреки и общему духу закона и спеціальной инструкціи, дѣла такого рода отнесены у насъ къ вѣдомству мѣстныхъ губернскихъ правленій. Хотя, впрочемъ, въ одной изъ закавказскихъ губ. къ учас-

ту сельскихъ суммъ привлечены и мировые посредники, по обществамъ временно-обязанныхъ крестьянъ, по годовыя вѣдомости о движеніи мірскихъ капиталовъ, въ нарушеніе уже всякихъ законовъ, представляютъ уѣздному начальнику своего района, какъ какому-то суперъ-арбитру.

Въ такомъ же положеніи находится дѣло о соединеніи и разъединеніи сельскихъ обществъ. Выборъ резиденціи для сельской канцеляріи служилъ не разъ предметомъ распрей и крупныхъ недоразумѣній въ обществѣ. Въ одномъ изъ закавказскихъ уѣздовъ былъ случай соединенія двухъ малолюдныхъ сельскихъ обществъ въ одно по приговору схода, утвержденному установленною властью, но послѣ, при выборѣ мѣста подъ канцелярію, возникли среди крестьянъ разногласія и, несмотра на всѣ усилія мѣстной полиціи, нельзя было добиться соглашенія, и послѣ тщетныхъ попытокъ уѣздныхъ властей въ этомъ направленіи, пришлось вновь разъединить общество. Между тѣмъ, въ разъясненіе 78 ст. общаго положенія, правительствующій сенатъ преподалъ къ руководству, чтобы приговоры волостныхъ сходовъ по дѣламъ объ измѣненіи мѣстопребыванія волостного правленія подлежали бы

разсмотрѣнію учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и самое назначеніе мѣстопребыванія волостного правленія разрѣшалось бы губернскимъ дѣламъ присутствіемъ (9-го іюня 1882 г. № 5174, 3-го января 1883 г. № 26).

Къ такимъ же недоразумѣніямъ можно отнести и заведенный въ крестьянскихъ присутствіяхъ порядокъ преданія суду чрезъ губернское правленіе подвѣдомственныхъ имъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія, тогда какъ по смыслу 108 ст. и примѣч. 1-го къ ст. 111 право это принадлежитъ крестьянскимъ учрежденіямъ.

Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести немало. Всѣ они съ неотразимою очевидностью свидѣтельствуютъ—насколько мѣстныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ отступили отъ основной идеи законодателя и, вылившись въ своеобразные типы, представляются аномальными въ ряду аналогичныхъ установленій, дѣйствующихъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

Дѣятельность нашихъ крестьянскихъ учрежденій, при настоящемъ ихъ положеніи, сводится исключительно къ разбору споровъ и недоразумѣній крестьянъ и бывшихъ ихъ помѣщиковъ между собою, ибо руководительная

роль ихъ въ сельскомъ общественномъ управленіи, какъ мы видѣли, ничтожна. Остаются засимъ нотаріальныя ихъ обязанности по выкупной части, которыя, въ виду крайней ограниченности добровольныхъ сдѣлокъ, но могутъ быть точно также приняты въ соображеніе, несмотря на всю важность выкупной операціи. Наконецъ, порядокъ совѣстнаго по тяжебнымъ дѣламъ суда,—это послѣднее убѣжище мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій,—имѣеть свою „особую" и старую, съ дореформеннымъ характеромъ производства дѣлъ, организацію, которой не будемъ касаться здѣсь, такъ какъ она тѣсно связана съ личнымъ составомъ коллегіальнаго суда.

Отмѣните при данныхъ условіяхъ обязательную зависимость крестьянъ къ ихъ бывшимъ помѣщикамъ, какъ причину эту послѣднюю опору и твердыню нашихъ крестьянскихъ учрежденій и они потеряютъ подъ собою почву и очутятся въ состояніи когда надлежитъ полная ликвидація дѣлъ. Токова картина дѣятельности уѣздныхъ и губернскихъ установленій по крестьянскимъ дѣламъ въ закавказскихъ губерніяхъ! Пока экономическія условія благопріятствовали выкупному дѣлу, дѣятельность ихъ измѣрялась числомъ ежегодно совершае-

мыхъ выкупныхъ сдѣлокъ; но измѣнились соціальныя условія: бѣдность и нужда закрыли крестьянамъ путь поземельной эмансипаціи и мѣстныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ заглохли.

Разработка сельскаго положенія, предпринятая министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, имѣетъ, очевидно, цѣлью улучшеніе и устроеніе общественнаго управленія. Такая задача вполнѣ понятна, какъ съ точки зрѣнія пересмотра сельскаго положенія, такъ и возможности въ дальнѣйшемъ развить и поддержать тѣ или другія начала управленія чрезъ посредство существующихъ во внутреннихъ губ. компетентныхъ органовъ, призванныхъ объединить дѣятельность низшихъ самоуправляющихся единицъ. Но не такъ постановлено дѣло въ закавказскихъ губерніяхъ. У насъ, какъ мы видѣли, учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ существуютъ только номинально и роль ихъ совершенно иная, чѣмъ въ Россіи. Отсюда и понятно, что реформа сельскаго положенія для Тифлисской и Кутаисской губерній не имѣетъ того значенія, какое она имѣетъ для внутреннихъ губерній Россіи.

Для насъ, при настоящихъ условіяхъ представляется наиболѣе существеннымъ интерес-

мотръ положенія объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ и реорганизація ихъ на началахъ, существующихъ во внутреннихъ губерніяхъ. Только при такой постановкѣ дѣла и мыслимо нормированіе сельской общественной жизни на основаніяхъ законоположеній 19 февраля. Къ сожалѣнію, этотъ отдѣлъ законодательства о крестьянахъ и не вошелъ въ планъ занятій особаго совѣщанія министерства внутреннихъ дѣлъ.

III

Мы уже видѣли, что предпринятый министерствомъ пересмотръ сельскаго положенія не вытекаетъ (для нашего края) исторически изъ предшествовавшей законодательной работы и составляетъ какъ бы случайное явленіе. Мѣстное положеніе о сельскомъ состояніи не занимаетъ по кодификаціи самостоятельнаго отдѣла въ приложеніи по своду законовъ, подобно общему положенію, а составляетъ только часть положенія учрежденія крестьянъ Закавказья, и по этой уже общей причинѣ нельзя касаться его серьезно, не затронувъ вопроса объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ, какъ частей одного и того же цѣлаго.

При этихъ условіяхъ можно бы говорить о задачахъ сельскаго управленія, но, къ со-

жалѣнію, онѣ мало разработаны у насъ, какъ по той причинѣ, что крестьянскія учрежденія не завѣдывали сельскимъ общественнымъ управленіемъ, такъ и благодаря недостаточности личнаго состава ихъ.

При всемъ этомъ мѣстныя особенности дѣйствующаго въ краѣ закона настолько велики, что «перечень вопросовъ», относящихся къ пересмотру сельскаго положенія, совершенно не затрогиваетъ важнѣйшихъ сторонъ крестьянскаго общественнаго управленія и даже не даетъ почвы для ихъ изслѣдованія.

Низшею самоуправляющеюся общественною единицею, какъ въ силу дѣйствующаго въ краѣ закона, такъ и по общему положенію, считается *сельское общество*, являющееся, впрочемъ, въ томъ и другомъ случаѣ съ существенно различными особенностями.

Образованіе во внѣгородскихъ поселеніяхъ Закавказья естественныхъ типическихъ группъ для организаціи сельскаго управленія чрезъ посредство сходовъ и выборныхъ должностныхъ лицъ представлялось, при самомъ началѣ реформы, дѣломъ довольно труднымъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ. Русскія села, съ ихъ общиннымъ устройствомъ, давали въ руки готовыя, вполнѣ осѣвшія общественныя едини-

цы для введенія въ нихъ самоуправленія низшаго типа. Въ дальнѣйшемъ, въ виду малолюдности такихъ однородныхъ поселеній и недостаточности, въ большинствѣ случаевъ, средствъ къ удовлетворенію мірскихъ и земскихъ потребностей, образованы были группы высшаго порядка или *волости* съ волостнымъ управленіемъ во главѣ.

Но иначе обстояло дѣло въ Закавказьѣ, гдѣ общинное начало въ землепользованіи замѣнено принципомъ частной собственности. Здѣсь, при существованіи подворно-наслѣдственнаго владѣнія землею, смѣшанности крестьянъ разныхъ категорій и отсутствіи, наконецъ, общности хозяйственныхъ задачъ у отдѣльныхъ дворовъ,—въ основаніе образованія особыхъ самоуправляющихся единицъ не могло быть принято иныхъ соображеній, кромѣ территоріальныхъ удобствъ и численности населенія.

Въ то время, какъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, при началѣ реформы и введенія сельскаго положенія, была принята за систему организаціи самостоятельныхъ общественныхъ недѣлимыхъ *однородность* населенія, въ ущербъ другимъ условіямъ, и какъ естественное послѣдствіе такого порядка вещей

явилась малолюдность нѣкоторыхъ обществъ, а слѣдовательно и необходимость соединенія нѣсколькихъ группъ въ одинъ сборный типъ или волость, съ волостнымъ управленіемъ во главѣ, въ качествѣ высшаго органа сельскаго самоуправленія, — у насъ, съ самаго же начала, образованы были сельскія общества по численности домохозяевъ и территоріальнымъ удобствамъ, оставшіяся до сего времени единственными самостоятельными общественными единицами. Въ установленіи другой, болѣе высшей самоуправляющейся инстанціи не представлялось уже у насъ основаній, какъ невытекавшей необходимо изъ даннаго положенія вещей. Могла быть рѣчь о той или другой группировкѣ селеній для административныхъ удобствъ, но не было цѣли въ учрежденіи лишняго земскаго органа и усложненіи системы управленія.

Таковы были мотивы тѣхъ особенностей «мѣстнаго» положенія, которыя мы отмѣтили выше, и съ ними нельзя не считаться отчасти и въ настоящее время. Такимъ образомъ, вопросъ о введеніи у насъ волостного управленія, не вытекая непосредственно изъ данныхъ условій, можетъ быть только послѣдствіемъ болѣе близкаго и детальнаго изученія

разныхъ другихъ сторонъ крестьянской общественной жизни.

Существующія у насъ сельскія общества являются въ составѣ населенія отъ 200 до 1,000 дворовъ, разбросанныхъ па значительной территоріи. Закавказскіе крестьяне, а въ особенности Кутаисской губ., живутъ врозь, отдѣльными небольшими хуторами, какъ частные владѣльцы, имѣя въ своей дворовой оградѣ все необходимое въ крестьянскомъ хозяйствѣ: огороды, сады и даже пахатныя поля. Исключая самыхъ нижнихъ долинъ рѣкъ, заливаемыхъ водою во время половодій, и верхнихъ районовъ горъ, занятыхъ лѣсами и альпійскою зоною,—вся остальная площадь идетъ подъ человѣческія жилища, ютящіяся тамъ я и самъ безъ всякаго порядка.

При такомъ характерѣ поселеній, нѣкоторыя сельскія общества, достигшія притомъ значительной численности населенія, не представляютъ уже необходимымъ въ административномъ отношеніи удобствъ. Созывъ домохозяевъ на сельскій сходъ, обсужденіе вопросовъ, до міра относящихся, въ собраніи людей, плохо сплоченныхъ и не связанныхъ общностью землевладѣнія, трудность, наконецъ, для сельскаго старшины обозрѣвать обшир-

ные подвѣдомые районы, - вотъ условія, которыя съ каждымъ днемъ, съ приростомъ населенія, дѣлаются все болѣе и болѣе чувствительными. Въ видахъ уменьшенія подвѣдомаго сельскому старшинѣ района, было бы полезно установленіе предѣльной населенности сельскихъ обществъ и максимальнаго разстоянія отъ отдаленнѣйшихъ селеній до средоточія сельской канцеляріи.

Къ такому же выводу приводитъ насъ и анализъ другихъ сторонъ общественнаго управленія. Сельскій старшина, какъ единственный отвѣтственный распорядитель въ предѣлахъ своего общества, нерѣдко настолько же многолюднаго, какъ русская волость, располагаетъ сравнительно, весьма скромными средствами для управленія міромъ. Помощники его, не пользующіеся какими либо присвоенными ихъ должности правами, кромѣ тѣхъ которыя предоставитъ имъ самъ старшина, находятся, несомнѣнно, въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ сельскіе старосты великорусскихъ и малорусскихъ селеній. Послѣдніе какъ по общественному управленію, такъ и по полицейской части дѣйствуютъ на правахъ закавказскихъ сельскихъ старшинъ, завѣдуя притомъ гораздо меньшею по пространству и населенности территоріею.

Есть, однако, еще обстоятельство существенной важности, на которое не обращено достаточно вниманія. Такъ, извѣстно, что охраненіе общественной безопасности и порядка, въ чертѣ крестьянской осѣдлости, ввѣренно сельскимъ должностнымъ лицамъ, но къ этой обязанности, предусмотрѣнной положеніемъ о крестьянахъ, присоединяется еще въ Закавказскихъ губерніяхъ служба ихъ въ качествѣ низшихъ полицейскихъ агентовъ безъ ограниченія компетенціи крестьянскимъ сословіемъ. Такое расширеніе вѣдомства сельскихъ властей, помимо нарушенія закона, свидѣтельствуетъ еще о плохой организаціи полицейской части и средствъ къ предупрежденію и пресѣченію преступленій и проступковъ, и имѣетъ послѣдствіемъ крайнее отягощеніе сельскихъ старшинъ разнородными дѣлами.

Приведемъ здѣсь одинъ изъ безчисленнаго ряда примѣровъ. Требованіе мировыхъ судей и судебныхъ слѣдователей приводятся въ исполненіе въ концѣ-концовъ сельскими должностными лицами, хотя и обращаются для распоряженія, формально, къ общей полиціи.

Отправленіе столь сложныхъ и разнообразныхъ обязанностей одновременно однимъ лицомъ потребовало бы, само-собою, чрезмѣр-

ныхъ усилій и труда. Но въ сихъ видахъ организованы во внутреннихъ губерніяхъ Россіи волостныя управленія, съ волостными старшинами во главѣ, опирающіяся, въ свою очередь, на учрежденія сельскихъ обществъ съ опредѣленною административно-карательною властью и правами по общественному управленію. Задачи сельскаго устройства еще болѣе упрощаются во внѣгородскихъ поселеніяхъ Россіи тѣмъ, что сельскія должностныя лица не исполняютъ обязанностей общей полиціи,—тѣмъ, что тамъ организованъ особый институтъ низшихъ полицейскихъ чиновъ въ лицѣ десятскихъ, сотскихъ и полицейскихъ урядниковъ, на которыхъ лежатъ обязанности какъ по охранѣ общественной безопасности и предупрежденію и пресѣченію преступленій, такъ и по другимъ общеполицейскимъ дѣламъ.

Между тѣмъ, у насъ всѣ эти разнородныя служебныя отправленія несетъ на себѣ закавказскій сельскій старшина! Не очевидно ли, послѣ этого, что при столь примитивной организаціи сельскаго общественнаго управленія не могутъ быть достигнуты цѣли ни административнаго устройства, ни чисто полицейскія? Исторія кавказскихъ разбоевъ и невозможность борьбы съ ними не объясняет-

ся ли проще несовершенствомъ организаціи полицейской части?!

Отсюда явствуетъ необходимость ограничить районъ дѣятельности сельскихъ старшинъ какъ по территоріи и населенности, такъ и изъятіемъ изъ компетенціи ихъ такихъ полицейскихъ дѣйствій, для которыхъ требуются спеціальные чины полиціи

Наиболѣе простымъ рѣшеніемъ вопроса было бы въ данномъ случаѣ раздѣленіе существующихъ многолюдныхъ сельскихъ обществъ съ населеніемъ въ 1,000 и болѣе дымовъ на два или на три самостоятельныя сельскія общества и учрежденіе нѣкоторыхъ низшихъ полицейскихъ должностей. Но, съ другой стороны, сохраненіе многолюдныхъ сельскихъ обществъ, въ видахъ осуществленія болѣе или менѣе широкихъ общественныхъ задачъ по народному образованію и организаціи продовольственной части, представляется въ свою очередь, цѣлесообразнымъ.

Примиреніе этихъ противурѣчивыхъ альтернативъ возможно путемъ нѣкоторой децентрализаціи обширныхъ по району и населенности сельскихъ обществъ и выдѣленія однѣхъ изъ ихъ функцій въ особыя самостоятельныя управленія, въ видѣ отдѣльныхъ администра-

тивныхъ единицъ, и сосредоточенія другихъ, болѣе общихъ отправленій, въ центральномъ органѣ. Такимъ образомъ, закавказскія сельскія общества должны до извѣстной степени приблизиться къ типу русскихъ волостныхъ управленій, какъ къ наиболѣе совершенной, хотя и болѣе сложной формѣ сельскаго общественнаго устройства. Другого исхода нѣтъ: или образованіе сельскихъ обществъ самостоятельныхъ и независимыхъ другъ отъ друга съ населеніемъ, приблизительно, въ 300 дымовъ, или въ дальнѣйшемъ развитіи этого начала соединеніе такихъ самоуправляющихся единицъ въ сложную систему волостного управленія.

Считаемъ нужнымъ остановиться еще на одной существенной сторонѣ сельскаго общественнаго управленія. Дѣйствующее положеніе не устанавливаетъ денежнаго вознагражденія для сельскихъ должностныхъ лицъ, несмотря на сложныя обязанности ихъ по общественному устройству и полицейской части. Если, однако, старшина, въ качествѣ представителя отъ крестьянскаго сословія, долженъ пещись о благоустройствѣ сельскихъ обывателей, объ ихъ общественномъ порядкѣ и безопасности, то какія въ сущности, имѣются ос-

лованія для привлеченія его къ отправленію обязанностей полицейскаго урядника, сотскаго или десятскаго, безъ соотвѣтственнаго матеріальнаго вознагражденія?!

Сельскій старшина, однако, не умираетъ съ голоду, а подчасъ живетъ, да еще и наживается, если только остается въ своей должности болѣе или менѣе продолжительное время. Это вполнѣ естественно и привычно, и никому въ голову не приходитъ допытываться—откуда взялось состояніе у старшины?

На узаконившійся порядокъ, конечно, нельзя считать нормальнымъ. Мало этого, тлетворность такой системы, вносящей развращающій элементъ въ крестьянскую среду, несомнѣнна, а потому установленіе вознагражденія за службу сельскихъ должностныхъ лицъ является вполнѣ естественною необходимостью...

Мы прослѣдили уже, при какихъ невыгодныхъ условіяхъ слагалась сельская общественная жизнь въ теченіе эпохи реформъ, въ закавказскихъ губерніяхъ, гдѣ учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ не оказались на высотѣ своего призванія, подобно уѣзднымъ и губернскимъ установленіямъ внутренней Россіи. Мѣсто ихъ заступили у насъ полицейскія вла-

сти, которыя, прибравъ въ свои руки все крестьянское самоуправленіе, въ интересахъ своихъ специальныхъ цѣлей, не сумѣли, однако, воспользоваться имъ. Попытка ихъ не удалась и результаты получились плачевные. Съ одной стороны пришли въ разстройство одинъ за другимъ всѣ органы сельскаго управленія, съ другой во внѣгородскихъ поселеніяхъ Закавказья полицейская часть не организовалась до состоянія удовлетворительнаго съ точки зрѣнія общественной безопасности и порядка. При такомъ хаотическомъ смѣшаніи въ сельскомъ общественномъ управленіи началъ административныхъ съ элементами чисто полицейскими необходима была реформа, но реформа, не только положенія о сельскомъ состояніи, но и положенія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Однако, вопросъ этотъ, какъ мы уже видѣли, предрѣшенъ, и мы, оставаясь въ предѣлахъ програмы «Перечня вопросовъ», остановимся еще подробно только на нѣкоторыхъ специальныхъ особенностяхъ сельскаго положенія.

IV

Сельское общественное управленіе въ закавказскихъ губерніяхъ состоитъ изъ сельскаго схода, сельскаго старшины и сельскаго су-

ренныхъ жителей такъ какъ они числятся въ составѣ населенія другого сельскаго общества. Удивительно, однако, что въ теченіе почти 30 лѣтъ со времени объявленія крестьянской реформы ни учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, ни мѣстныя казенныя палаты не выработали правильнаго взгляда на настоящій предметъ.

По непонятному для насъ недоразумѣнію, при переселеніи крестьянъ изъ одного общества въ другое принято у насъ требовать увольнительные и піемные приговоры подлежащихъ сельскихъ сходовъ, а отъ временно-обязанныхъ крестьянъ еще, сверхъ этого, и согласіе помѣщика. Эти требованія, само собой разумѣется, крайне усложняютъ процедуру переселенія, если только не вовсе препятствуютъ его совершенію.

Однако, требованія эти недѣйствительны для Тифлисской и Кутаисской губ. въ силу 120 ст. мѣстнаго положенія и въ силу разъясненія этой статьи въ опредѣленіи правительствующаго сената отъ 31-го мая 1877 года за № 4423. Но и помимо рѣшенія сената, самый текстъ 120 ст. (XX мѣстн. пол. Закавк., особ. прил. къ т. IX закон. о сост.) гласитъ, что согласія помѣщика и общества на выходъ изъ крестьянскаго общества нужно требовать

только въ продолженіе первыхъ девяти лѣтъ со времени утвержденія положенія о крестьянахъ. По истеченіи же установленнаго срока, въ силу приведенныхъ выше узаконеній, дѣйствуютъ у насъ ст. 130—140 общаго положенія при увольненіи крестьянъ изъ обществъ и ст. 141—146 того же положенія при пріемѣ новыхъ членовъ, на основаніи которыхъ какъ увольненіе (ст. 130—134), такъ и пріемъ членовъ (ст. 143—145) въ общество производятся волостнымъ старшиною или заступающимъ его мѣсто въ порядкѣ, опредѣленномъ закономъ. Нигдѣ не говорится о необходимости пріемнаго приговора для приписки исключая 242 ст. общ. полож., которая, имѣя въ виду общество крестьянъ съ мірскимъ, а не подворно-участковымъ владѣніемъ, не можетъ имѣть примѣненія къ Тифлисской и Кутаисской губ., какъ это явствуетъ изъ дальнѣйшаго продолженія статей того же положенія (ст. 143—145).

Дѣйствія казенныхъ палатъ по этой части состоятъ въ причисленіи въ окладъ и исключеніи изъ онаго или просто въ перечисленіи изъ одного оклада въ другой (въ предѣлахъ той же губерніи). Согласно 147 ст. общ. полож., казенныя палаты дѣлаютъ надлежащія распоряженія, на основаніи увольнительнаго

свидѣтельства сельскаго старшины и пріемнаго *приговора* подлежащаго схода, но въ силу примѣчанія къ той же статьѣ, крестьяне собственники, *приписываемые къ обществамъ безъ пріемнаго приговора* (ст. 143—145); представляютъ, вмѣсто него, свидѣтельство волостного старшины о припискѣ. Очевидно, что согласіе сельскаго общества требуется для участія въ мірскомъ надѣлѣ, а при его отсутствіи, какъ въ закавказскихъ губерніяхъ, замѣняется оно установленнымъ свидѣтельствомъ.

Мы вошли въ детальное разсмотрѣніе существующихъ по этой части узаконеній, чтобы доказать незаконость той процедуры, которая заведена при увольненіи и пріемѣ членовъ въ общество Крестьянскія учрежденія Закавказья, несмотря на всю важность этого вопроса для интересовъ крестьянства, не могли до сего времени настоять на точномъ исполненіи закона, вслѣдствіе чего сотни и тысячи сельскихъ обывателей въ мѣстахъ своей постоянной осѣдлости не пользуются правами законнаго населенія. Лучшаго примѣра полнаго разлада между закономъ и примѣненіемъ его и нельзя привести.

Вопросъ о водвореніи крестьянъ внѣ предѣловъ ихъ осѣдлости тѣсно связанъ съ исто-

ріею *хизанства* въ Закавказьѣ, къ сожалѣнію, крайне осложнившагося въ послѣднее время. Въ сущности, хизанство есть явленіе вполнѣ естественное и нормальное, въ смыслѣ продукта опредѣленныхъ соціальныхъ условій. Оно создалось на почвѣ крѣпостного права и сохранилось до сего времени въ своей неизмѣнной формѣ.

Если въ новѣйшее время, при условіи личной независимости, малоземелье и тяготы земскихъ повинностей вызываютъ свободное переселеніе крестьянъ, то зато въ эпоху крѣпостничества тѣ же явленія, въ связи съ игомъ помѣщичьяго права и произволомъ приказнаго люда, порождали дезертирство въ средѣ податного несвободнаго населенія. У насъ не было Украйны, своего Заднѣпровья, гдѣ бы могли развиться казачество. Наши крестьяне, убѣгая отъ неволи суроваго патрона, находили пріютъ и покровительство у другого, болѣе сильнаго властителя, промѣнявъ такимъ образомъ тяжелую барщину на поземельную зависимость отъ новаго хозяина и другія невзгоды недозволеннаго законами дезертирства. Отсюда и слово «*хизанъ*» или «*миндобили*», что значитъ—временнопріютившійся.

Хизанамъ дарована была личная свобода

при всеобщей эмансипаціи; въ отношеніи же надѣла, правилами о закавказскихъ крестьянахъ признано за ними «обычное положеніе на основаніяхъ для хизанъ, изъ людей свободныхъ состояній существующихъ». Затѣмъ начинается періодъ дѣятельности мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ на почвѣ урегулированія ихъ поземельныхъ отношеній къ владѣльцамъ. Насколько, однако, была плодотворна и успѣшна эта работа, можно отчасти судить изъ вновь опубликованнаго положенія 3-го іюня 1891 г., которое, не найдя никакого ключа для разрѣшенія всѣмъ надоѣвшаго хизанскаго вопроса, несмотря на долгій подготовительный періодъ мѣстныхъ учрежденій, подтвердило старыя основанія «обычнаго положенія».

Какъ правила 13-го октября 1864 года, такъ и позднѣйшія одинаково признаютъ за учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ компетенцію устанавливать каждый разъ, по данному дѣлу, существующій правовой порядокъ. Если, однако, такая перспектива, въ эпоху крестьянской реформы, могла имѣть для заинтересованныхъ лицъ успокоительный характеръ, то теперь, напротивъ, послѣ тридцатилѣтней испытанной дѣятельности мѣстныхъ учрежденій

по крестьянскимъ дѣламъ на почвѣ устроенія хизанскаго дѣла никого не удовлетворять.

Но въ этомъ нѣтъ принципіальной ошибки законодателя: съ одной стороны и нельзя было регламентировать такія правовыя отношенія сторонъ, которыя не успѣли вылиться въ опредѣленныя юридическія формы, съ другой — въ признаніи обычая, какъ основанія для разрѣшенія хизанскихъ споровъ, не только не усматривается посягательства на чьи-либо интересы, но напротивъ, оказывается покровительство извѣстнымъ легализованнымъ жизнью правоотношеніемъ.

Развѣ общія судебныя установленія не разрѣшаютъ значительнаго числа дѣлъ на основаніи существующихъ обычаевъ — въ вопросахъ, напримѣръ, о наслѣдствѣ въ крестьянскомъ имуществѣ, или въ извѣстныхъ случаяхъ истолкованія договоровъ вообще для опредѣленія правъ и обязанностей сторонъ? Вся суть, значитъ, въ неудовлетворительной организаціи нашихъ крестьянскихъ учрежденій, которыя, имѣя сильное оружіе въ рукахъ, въ смыслѣ права руководствоваться мѣстными обычаями при рѣшеніи хизанскихъ дѣлъ, не собрали въ продолженіе долгаго времени необходимаго матеріала для выясненія сущности хизанскаго землепользованія.

Переживаемое хизанскимъ вопросомъ въ настоящее время состояніе настолько ненормально, что необходимость пересмотра правилъ 3-го іюня 1891 года и замѣна ихъ новымъ законодательнымъ актомъ, устанавливающимъ болѣе опредѣленный правовый порядокъ въ хизанскомъ быту, признана уже въ принципѣ главнымъ кавказскимъ начальствомъ.

Не касаясь другихъ сторонъ этого вопроса, разсмотрѣнныхъ мною раньше на страницахъ „Нов, Обозр". *), замѣчу, что хизанство,—какъ форма „обычнаго" водворенія крестьянъ на земляхъ постороннихъ владѣльцевъ, обыкновенно безъ письменныхъ договорныхъ условій,—хотя есть, быть можетъ, случайный продуктъ крѣпостного права, но имѣетъ въ основаніи и болѣе глубокія соціальныя причины, которыя, въ силу естественнаго роста населенія, дѣлаютъ переселеніе неизбѣжнымъ факторомъ жизни. Нормировать эти явленія не только путемъ облегченія свободнаго выхода членовъ изъ общества и водворенія въ другія, но и посредствомъ увеличенія хозяйственныхъ средствъ населенія пріобрѣтеніемъ новыхъ угодій,—есть задача вся-

*) См. №№ 3812, 3839 и 3845 за 1895 г.

каго правильно устроеннаго сельскаго общественнаго управленія. Но подобныя требованія слишкомъ идеальны и недостижимы при существующихъ условіяхъ мірского хозяйства.

Вопросъ объ устройствѣ *продовольственной части* принадлежитъ, кажется, къ числу наименѣе удовлетворительно разрѣшенныхъ общественныхъ задачъ, какъ вслѣдствіе недостаточной разработки дѣйствующаго законодательства, такъ и благодаря отсутствію въ краѣ компетентныхъ учрежденій, на которыхъ, по уставу, лежитъ обязанность организаціи продовольственной части.

Не говоря уже о земствѣ, не существующемъ у насъ, даже губернскіе продовольственные комитеты западныхъ губерній замѣнены у насъ губернскими правленіями. Уставъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія составляетъ мертвую букву для закавказскихъ губерній и не распространенъ на послѣднія ни въ цѣлости, ни въ части, исключая одной статьи въ немъ, признающей содержаніе хлѣбныхъ магазиновъ обязательнымъ для сельскихъ обществъ. Но такое неопредѣленное требованіе закона слишкомъ недостаточно для организаціи и объединенія столь сложнаго дѣла.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ разныхъ

частяхъ Закавказья продовольственный вопросъ разрѣшался различно: въ нѣкоторыхъ изъ губерній ему повезло, въ другихъ, напротивъ, онъ терпѣлъ неудачи.

Лѣтъ 20 тому назадъ въ большей части уѣздовъ Кутаисской губ. существовали довольно значительные капиталы, собранные для продовольственныхъ цѣлей. Вскорости, однако, всѣ наличныя суммы были перенесены на разныя другія нужды населенія; въ особенности сдѣланы были позаимствованія для усиленія средствъ народнаго образованія: для постройки школъ, найма педагогическаго персонала и проч.; запасы стали мало-по-малу истощаться, и самыя школы очутились въ необходимости пріискать болѣе регулярные источники для дальнѣйшаго существованія. Такимъ образомъ, интересы народнаго образованія и продовольственнаго дѣла, по странной случайности, стали другъ противъ друга, но за министерскую школу сильно ратовали и вскорости общественныя ассигновки для нуждъ продовольствія вовсе изчезли изъ смѣтныхъ назначеній ежегодныхъ мірскихъ сборовъ.

Въ этой борьбѣ двухъ одинаково существенныхъ сторонъ не было никакого смысла: школа не могла удовлетворять потребностямъ

обсѣмененія полей и продовольствія, несмотря на свои высокія задачи, и наоборотъ. Это и обнаружилось на дѣлѣ, лишь только неурожаи и наводненія поставили населеніе лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, а правительство въ необходимость прійти на помощь голодающему народу.

Такимъ образомъ, продовольственное дѣло, явившись въ Кутаисской губ. какъ случайная затѣя, безъ основы и организаціи, не имѣло будущности. Но иначе и быть не могло. Изъ цѣлаго ряда узаконеній, составившихъ особый дѣйствующій во внутренней Россіи уставъ, для закавказскихъ губерній примѣнительно только одно общее, неопредѣленное требованіе объ обязательности устройства хлѣбныхъ магазиновъ въ сельскихъ обществахъ; во всемъ остальномъ широкая свобода дѣйствія организатора дѣла замѣняетъ точную и опредѣленную регламентацію закона. Это отсутствіе руководительныхъ началъ въ столь сложномъ и серьезномъ дѣлѣ, какъ продовольственный вопросъ не могло не отозваться на результатахъ, и дѣйствительно, организовавшись сразу, какъ въ приведенномъ случаѣ, продовольственное дѣло уступило за тѣмъ мѣсто другимъ общественнымъ начинаніямъ.

Общественные и сословные капиталы, сказано въ уставѣ объ обезпеченіи народнаго продовольствія, употребляются исключительно на сѣменныя и продовольственныя нужды населенія и никакія изъ этого источника позаимствованія для удовлетворенія другихъ потребностей не допускаются. Но какъ это, такъ и другія основанія устава недѣйствительны для закавказскихъ губ. и примѣняются при организаціи продовольств. части въ зависимости отъ личныхъ взглядовъ мѣстныхъ руководителей дѣла. Однако, мы не будемъ въ дальнѣйшемъ говорить объ общихъ основаніяхъ устройства продовольственной части, какъ о предметахъ, выходящихъ изъ компетенціи крестьянскихъ учрежденій и неразрывно связаныхъ съ земствомъ. Для насъ интересны только такія частныя стороны его организаціи, которыя имѣютъ соотношеніе съ сельскимъ общественнымъ управленіемъ.

Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ еще объ основаніяхъ обложенія продовольственнымъ сборомъ или вообще о привлеченіи къ платежу мірскихъ повинностей, проживающихъ въ селеніяхъ лицъ, подвѣдомственныхъ сельскому управленію. *Посторонніе* лица и коренные сельскіе обыватели закавказскихъ губерній зани-

маютъ существенно различныя положенія въ отношеніи раскладки земскихъ и мірскихъ сборовъ. Не принадлежащіе къ сельскому обществу лица, какъ извѣстно, не участвуютъ въ рѣшеніяхъ сельскихъ сходовъ по ихъ дѣйствительной осѣдлости, какъ приписанные къ другимъ сельскимъ обществамъ,—и въ то время, какъ они нуждаются въ продовольственныхъ и педагогическихъ средствахъ по фактическому проживанію, очень часто облагаются, какъ юридическое населеніе другой мѣстности, въ силу вполнѣ законныхъ приговоровъ сходовъ. Съ другой стороны, и на мѣстѣ своей осѣдлости они не были бы гарантированы отъ неправильнаго обложенія. Но изъ двухъ золъ предпочтительнѣе послѣднее, въ особенности если установить *опредѣленное* правило въ отношеніи самихъ основаній мірского обложенія посторонныхъ лицъ.

Конечно, всего лучше было бы облегчить сложную процедуру приписки, какъ уже высказались мы, тѣмъ болѣе, что законъ не требуетъ установленнаго для общиннаго землевладѣнія порядка пріема и увольненія членовъ изъ сельскаго общества, обусловливая и этотъ порядокъ исключительно опредѣленнымъ владѣніемъ въ предѣлахъ осѣдлости.

V

Частный случай неуравнительнаго обложенія, разсмотрѣнный нами въ предыдущей главѣ, наводитъ насъ на размышленія характера—объ условіяхъ раскладки мірскихъ повинностей и государственнаго сбора, о составленіи смѣтъ мірскихъ расходовъ и о многихъ другихъ вопросахъ, тѣсно связанныхъ съ устройствомъ сельскихъ сходовъ.

Сельскій сходъ есть безусловно главный органъ сельскаго общественнаго управленія: онъ непосредственно завѣдуетъ раскладкою мірскихъ и земскихъ сборовъ, семейными раздѣлами, опекою и попечительствомъ и многими другими вопросами, до міра относящимися, не говоря уже о правѣ выбирать должностныхъ лицъ сельскаго управленія. Но недостатки общественныхъ сходовъ лежатъ, главнымъ образомъ, въ ихъ общемъ организаціонномъ несовершенствѣ, о которомъ мы уже говорили. Измѣнить эти условія въ смыслѣ, указанномъ практикой, значитъ радикально улучшить всѣ разнородныя отправленія сельскаго общественнаго управленія. Мы говоримъ здѣсь о необходимыхъ частныхъ законодательныхъ мѣрахъ; трудно, однако, возбудить дѣятельность сельскихъ сходовъ внѣ тѣхъ общихъ преобразованій, ко-

торыя мы нашли необходимыми при разборѣ сельскаго положенія. Въ самомъ дѣлѣ какими бы законами ни гарантировать правильность взысканія, храненія и раскладки мірскихъ сборовъ, какъ бы ни стараться объ улучшеніи дѣйствующихъ относительно опеки и попечительства постановленій, но если сходы крестьянъ, вѣдающіе общественными дѣлами, не будутъ организованы болѣе или менѣе правильно и если сельскія должностныя лица не будутъ воодушевлены любовью и преданностью дѣлу, если, наконецъ, крестьянскія учрежденія не будутъ стойко отстаивать свои интересы,—то врядъ ли можно ожидать отъ частичныхъ мѣропріятій какихъ-либо существенныхъ улучшеній въ крестьянскомъ общественномъ управленіи.

Какъ можетъ старшина, извѣстный въ селѣ за взяточника и міроѣда, ограждать интересы закона, когда онъ свое личное благополучіе основываетъ именно на нарушеніи закона? Или можетъ ли сельскій сходъ выбирать и учитывать опекуновъ, когда онъ самъ не повѣряется и не учитывается никѣмъ!..

Конечно, и частныя мѣропріятія необходимы, когда къ общимъ недостаткамъ положенія присоединяются несовершенства отдѣль-

ныхъ его частей, то получается картина полнаго разстройства. Въ особенности не достигають цѣлей *постановленія объ опекѣ* и попечительствѣ. Бывали случаи, когда опека вовсе не учреждалась надъ малолѣтними или таковая назначалась уже послѣ растраты сиротскаго имущества.

На основаніи дѣйствующихъ узаконеній о крестьянахъ, попеченіе о личности и объ имуществѣ малолѣтнихъ сиротъ возлагается на обязанность сельскихъ обществъ (21 ст. пол. учр. кр. зак.), которыя чрезъ посредство своихъ сходовъ учреждаютъ опеку и повѣряютъ дѣйствія опекуновъ. Такое право сельскаго схода вытекаетъ изъ общности крестьянскаго имущества, въ тѣхъ случаяхъ, когда сельское общество, при общинномъ пользованіи надѣломъ, представляетъ собою не только административную, но и хозяйственную единицу. Но въ закавказскихъ губерніяхъ каждый отдѣльный крестьянскій дворъ надѣленъ особо подымнымъ участкомъ въ потомственномъ пользованія семьи безъ всякаго вмѣшательства односельцевъ; сельское же общество въ свою очередь, составленное изъ такихъ отдѣльныхъ владѣній, представляя только сборную административную группу, не

связанную общностью надѣла или какими-либо хозяйственными выгодами, не заинтересовано вовсе въ сохранности сиротскаго имущества; съ другой стороны, оно и не отвѣчаетъ ни по уголовнымъ, ни по гражданскимъ законамъ въ случаяхъ нарушенія интересовъ малолѣтняго или даже въ случаѣ полной растраты сиротскаго имущества несостоятельнымъ опекуномъ.

При данныхъ условіяхъ намъ кажется болѣе цѣлесообразнымъ сосредоточить опекунскія дѣла въ сельскомъ судѣ, который, во всякомъ случаѣ, лучше организованъ, болѣе дѣятеленъ и болѣе отвѣтственenъ за свои дѣйствія, чѣмъ сельскій сходъ. Примѣры мировыхъ судовъ и общихъ судебныхъ установленій въ Закавказьѣ, завѣдующихъ весьма успѣшно опекунскими дѣлами привилегированнаго сословія, служатъ намъ отчасти ручательствомъ основательности высказаннаго нами соображенія. Нѣтъ сомнѣнія, что сельскій судъ, собирающійся регулярно для занятій и состоящій изъ опредѣленнаго, притомъ отвѣтственнаго личнаго состава, представляетъ наилучшія гарантіи для успѣшнаго веденія и руководства опекунскими дѣлами, сравнительно съ сельскимъ сходомъ.

Существенно различныя особенности сельскаго общества при общинном и подворном владѣніи землею выражаются и въ *семейныхъ раздѣлахъ*. Въ то время, какъ при общинномъ пользованіи надѣломъ семейный раздѣлъ разрѣшенный сходомъ, имѣетъ послѣдствіемъ иное распредѣленіе земель по числу рабочихъ душъ въ каждомъ семействѣ, мѣстное положеніе предусматриваетъ только раздѣлы личнаго состава крестьянской семьи, т. е. роспись семействъ на отдѣльныя самостоятельныя единицы въ податномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, а не раздѣлъ имущества, принадлежащаго ему. Однако, и это право, присвоенное сельскому сходу въ виду существующей въ краѣ системы подворнаго обложенія въ цѣляхъ обезпеченія правильнаго взноса казенныхъ и общественныхъ повинностей,—въ сущности не болѣе, какъ фикція.

И дѣйствительно: число дворовъ, положенныхъ въ окладъ, опредѣляется отъ одной переписи до другой посемейными списками; зачисленіе же въ окладъ, вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ, составляетъ явленіе весьма рѣдкое, такъ какъ съ одной стороны не заведенъ опредѣленный порядокъ извѣщая подлежащихъ мѣстъ о происшедшихъ измѣненіяхъ

въ численномъ составѣ домохозяевъ, съ другой — семейные раздѣлы совершаются, по большей части, помимо приговоровъ сходовъ, въ силу рѣшеній сельскихъ судовъ.

Сельскіе сходы весьма туго разрѣшаютъ семейные раздѣлы. Подати по окладу, какъ извѣстно, лежатъ на цѣломъ селѣ по числу дворовъ въ немъ состоящихъ, а при такой системѣ обложенія каждый новый семейный раздѣлъ создаетъ новую податную единицу, увеличивающую общую сумму лежащихъ на селѣ повинностей. Отсюда и причины возникновенія такихъ семейныхъ раздѣловъ, которые, хотя по закону и признаются въ податномъ отношеніи недѣйствительными, но вполнѣ обезпечиваютъ раздѣльность общаго имущества. Однако, если роспись крестьянскихъ семействъ на отдѣльныя самостоятельныя единицы въ податномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ принадлежитъ сельскому сходу, то и право на выдѣлъ имущества должно быть предоставляемо обывателю не иначе, какъ по приговору схода. Съ этой точки зрѣнія сельскій судъ не долженъ учинять выдѣла имущества прежде, чѣмъ не состоялся семейный раздѣлъ въ установленномъ порядкѣ.

Вопросъ этотъ интересуетъ насъ не столь-

ко съ фискальной стороны, сколько съ хозяйственной и экономической. Каждый новый семейный раздѣлъ, вызывая новое дробленіе крестьянскихъ угодій, создаетъ не выгодныя для сельскаго хозяйства условія. Въ мѣстномъ положеніи для Тифлисской и Кутаисской губ. установлены низшая и высшая нормы крестьянскаго надѣла; но на ряду съ этими частными ограничительными мѣрами существуетъ и общій законъ, по которому крестьяне, при переходѣ по наслѣдству подымныхъ надѣловъ, руководствуются мѣстными обычаями. Однако пока земли состоятъ въ пользованіи крестьянскихъ семействъ на основаніи уставныхъ грамотъ, цѣльность подворно-наслѣдственныхъ участковъ и ихъ неотчуждаемость гарантированы опредѣленными законами.

Подымные крестьянскіе надѣлы, по смыслу журнала бывшаго совѣта намѣстника кавказскаго, составляютъ особый видъ владѣнія, въ которомъ всѣ члены, какъ мужского, такъ и женскаго пола, суть равноправные соучастники въ пользованіи общимъ имуществомъ. Установивъ такой взглядъ на *семейные участки*, журналъ бывшаго совѣта нам. кавк., не опредѣлилъ однако правъ домохозяина въ общемъ владѣніи. Но за исключеніемъ этой недомолв-

ки приведенная выдержка изъ журнала совѣта, въ связи съ другими узаконеніями о крестьянскомъ надѣлѣ, придаетъ послѣднему характеръ своеобразнаго, но, въ извѣстномъ смыслѣ, цѣльнаго установленія.

Впрочемъ, кажущаяся устойчивость крестьянскаго надѣла является вполнѣ условною, зависящею отъ ограниченности присвоенныхъ крестьянамъ правъ на надѣлы за время ихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ. Но лишь только крестьяне вступили въ обладаніе на правѣ собственности подымными участками на основаніи данныхъ и вводныхъ листовъ, они пріобрѣли всѣ права вотчинниковъ безъ ограниченія, въ особенности въ Кутаисской губерніи, гдѣ администрація, не оказывая содѣйствія при выкупѣ надѣловъ, не заинтересована непосредственно въ сохраненіи подымныхъ участковъ. Такимъ образомъ, значительная часть крестьянскихъ надѣловъ, перешедшая къ нимъ въ собственность по добровольнымъ соглашеніямъ съ помѣщиками, потеряла совершенно характеръ «семейныхъ участковъ», сдѣлавшись предметомъ всеобщей купли и продажи.

Если однако можно или даже должно говорить объ улучшеніи крестьянскаго земле-

пользованія и объ упорядоченіи подворно-наслѣдственнаго владѣнія въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ оно издавна установилось или же возникло вслѣдствіе состоявшихся приговоровъ о переходѣ къ участковому владѣнію отъ общиннаго,—то вопросы такого рода у насъ недостаточно подготовлены для разрѣшенія, благодаря отсутствію статистическаго матеріала о положеніи землевладѣнія въ средѣ сельскихъ обывателей со времени крестьянской реформы. Но, вообще, можно принять, какъ непреложный фактъ, что большинство мѣстнаго крестьянства богатѣетъ насчетъ разоряющагося дворянства, что пока не развились въ краѣ въ замѣтной степени ни кулачество, въ смыслѣ сосредоточенія большого количества земли въ однѣхъ рукахъ, ни батрачества, какъ симптомъ крестьянскаго пролетаріата.

Притомъ вопросы, относящіеся сюда, слишкомъ общи и принципіальны, чтобы можно было бы касаться ихъ съ мѣстной точки зрѣнія. Мы и не будемъ поэтому затрогивать ихъ въ надеждѣ, что общія подготовительныя работы по пересмотру сельскаго положенія прольютъ должный свѣтъ на предметъ сложный, имѣющій связь съ такими явленіями общегосударственной жизни, которыя, въ свою очередь, требуютъ изученія и изслѣдованія.

VI

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о крестьянскомъ сельскомъ судѣ и о нотаріальной части, чтобы закончить серію вопросовъ изъ сельскаго общественнаго управленія.

Значеніе крестьянскаго суда, какъ сословнаго учрежденія, можно подвергнуть обсужденію съ принціальной точки зрѣнія. Нѣкоторые полагаютъ, что нѣтъ достаточныхъ причинъ выдѣлять крестьянство изъ общаго порядка судоустройства и создавать для него особый *совѣстный судъ*, руководствующійся не выводами, добытыми наукой гражданскаго и уголовнаго права, а тѣми этическими понятіями, которыя выработала собственная жизнь сословія. Но съ такимъ взглядомъ нельзя вполнѣ согласиться. Должно судить людей за дѣянія, сообразуясь съ той общественной моралью, которой они привыкли слѣдовать въ жизни, въ своихъ повседневныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Этотъ принципъ, повидимому, лежитъ и въ основаніи гражданскихъ и уголовныхъ кодексовъ всѣхъ вообще цивилизованныхъ народовъ. Однако охрана и поддержаніе обширнаго государственнаго механизма требуютъ руководства не одною только общественною моралью, а и сложными, разнообраз-

ными интересами: сословными, національными, международными и проч. Законы государства поэтому весьма часто не соотвѣтствуютъ вовсе существующимъ въ извѣстной средѣ нравственно-этическимъ понятіямъ и отражаютъ на себѣ разнообразныя вліянія соціальной жизни.

Крестьянство, какъ отдѣльное сословіе, составляетъ столь обособленный элементъ въ государствѣ, съ своимъ вполнѣ самостоятельнымъ нравственнымъ укладомъ, что было бы не справедливо не судиться ему, по маловажнымъ дѣламъ, по крайней мѣрѣ, собственнымъ судомъ, на основаніи принятыхъ въ его быту обычаевъ. Другое дѣло, конечно, какъ улучшить этотъ судъ, какъ его сдѣлать достойнымъ своего назначенія Вопросы такого рода не могутъ не занимать законодателя, и въ нихъ заключается одна изъ главныхъ задачъ переустройства сельскаго общественнаго управленія. И въ этомъ направленіи кое-что уже сдѣлано для внутреннихъ губерній Россіи. Въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, дѣйствуютъ, въ видѣ опыта, временныя правила о волостномъ судѣ, которыми значительно расширены власть и вѣдомство его, сравнительно съ положеніемъ 19-го февраля 1861 г.

Юрисдикція закавказскихъ сельскихъ судовъ крайне ограничена. Въ то время, какъ преобразованные волостные суды разбираютъ споры и тяжбы между крестьянами о недвижимомъ имуществѣ, входящемъ въ составъ крестьянскаго надѣла, безъ ограниченія цѣны иска, а всѣ прочіе иски цѣною до трехсотъ рублей, за исключеніемъ исковъ о правѣ собственности, основанныхъ на актахъ формальнымъ порядкомъ совершенныхъ,— закавказскіе сельскіе суды рѣшаютъ окончательно дѣла только въ предѣлахъ крестьянскаго *пользованія* цѣною до ста рублей, а въ отношеніи уголовнаго разбирательства они пользуются еще менѣе опредѣленными правами.

«Предѣлы крестьянскаго «пользованія», оговоренные закономъ, какъ основаніе подсудности исковъ, крайне суживаютъ компетенцію сельскихъ судовъ при условіи подворно наслѣдственнаго владѣнія землею, существующаго въ краѣ. Каждый подымный участокъ составляетъ особый крестьянскій надѣлъ, состоящій въ потомственномъ пользованіи данной крестьянской семьи на основаніи особой уставной грамоты, а при наличности такихъ отдѣльныхъ владѣнныхъ актовъ даже иски о недвижимыхъ имуществахъ между отдѣльными

крестьянскими дворами, хотя бы по надѣлу связанными съ одними помѣщиками, строго говоря, не подсудны сельскому суду. Остаются затѣмъ только поземельные споры между членами одного и того же крестьянскаго двора, имѣющаго, по уставной грамотѣ особый надѣлъ, но и здѣсь подсудность сельскихъ судовъ ограничена съ одной стороны приведенною раньше выдержкою изъ журнала бывшаго совѣта намѣстника кавказскаго, по которой всѣ члены крестьянской семьи суть равноправные соучастники общаго достоянія, съ другой—присвоеннымъ сельскому сходу правомъ семейнаго раздѣла.

Такимъ образомъ, компетенція закавказскихъ сельскихъ судовъ поставлена въ тѣсныя рамки Очевидно, что при данныхъ условіяхъ землевладѣнія законъ слѣдовало формулировать иначе, если только не имѣлось въ виду ограничить до минимума кругъ вѣдѣнія сельскихъ судовъ.

Вопросъ о расширеніи подсудности какъ гражданской такъ и уголовной въ сельскихъ судахъ въ объемѣ временныхъ правилъ волостныхъ судовъ или вообще объ увеличеніи компетенціи ихъ—составляетъ насущную потребность.

Населеніе закавказсихъ селеній идетъ быстрыми шагами по пути соціальнаго развитія и гражданственности. Сравнительно недавній періодъ существованія крестьянскихъ учрежденій, при всемъ несовершенствѣ ихъ организаціи доказалъ съ очевидностью, что всѣ органы сельскаго общественнаго управленія, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ вполнѣ достигать цѣли. Не слѣдуетъ поэтому удивляться, что мы бы желали въ частности и расширенія вѣдомства и власти сельскихъ судовъ какъ въ отношеніи гражданскаго и уголовнаго разбирательства, такъ и въ отношеніи нотаріальной части.

Если въ эпоху крѣпостного права населеніе, благодаря своей воспріимчивой натурѣ, могло усвоить начала управленія, не имѣвшія ничего общаго съ полуварварскимъ состояніемъ, которое оно переживало тогда, то теперь, послѣ тридцатилѣтняго опыта крестьянскихъ учрежденій, весьма естественно могутъ возникать новыя задачи преобразованія. Но въ реформѣ отдѣльныя ея части, какъ мы уже видѣли, связаны между собою, какъ звенья одной неразрывной цѣпи. Сельское общественное управленіе въ дѣятельности своей вполнѣ зависимо отъ уѣздныхъ и губернскихъ учреж-

деній по крестьянскимъ дѣламъ, внѣ контроля которыхъ оно недѣйствительно. Съ другой стороны, и организація его на изложенныхъ нами основаніяхъ не можетъ быть осуществлена помимо общаго земскаго бюджета губерній одними мірскми средствами, если только вообще можетъ быть рѣчь о частномъ преобразованіи *помимо общей реформы*.

Мірскія повинности составляютъ изрядную часть всей суммы сборовъ, лежащихъ на податномъ сословіи. Но къ нимъ отнесены и расходы по народному образованію, покрываемые во внутреннихъ губерніяхъ Россіи земскими средствами. Съ другой стороны, во всѣхъ тѣхъ частяхъ Закавказья, гдѣ дѣйствуютъ учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, есть и излишки земскихъ суммъ, отчисляемые ежегодно на управленіе Карсской и Дагестанской областей и другихъ менѣе производительныхъ мѣстностей.

Такимъ образомъ вопросъ объ организаціи сельскаго общественнаго управленія у насъ довольно-таки сложенъ и непосредственно неосуществимъ безъ общей реформы. Благодаря отсутствію земствъ и дѣятельныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, пока не собрано даже достаточно матеріала, изъ котораго можно

было бы составить должное понятіе объ истинномъ положеніи дѣла.

Что можетъ извлечь законодатель въ Петербургѣ изъ тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя представлены мѣстными учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ? Исключая самаго высшаго, центральнаго органа на Кавказѣ, въ которомъ работали такія почтенныя силы, какъ покойный Кучаевъ, и теперь подвизаются люди съ солидною научною эрудиціею, всѣ остальныя мѣстныя крестьянскія учрежденія, на обязанности коихъ и лежитъ главнымъ образомъ изученіе быта и экономической стороны сельской жизни, не только не находятся на высотѣ своего призванія, но абсолютно неспособны къ исполненію своей роли.

2007058141